

Так уж повелось от Сотворения мира:
если у тебя светлый ум, а ты при этом испанец —
суждены тебе великая горечь и малая надежда¹.

Капитан Алатристе

---

¹ Из повести «Чистая кровь» Артуро Переса-Реверте. Перевод А. С. Богдановского.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Этот дух строптивости особенно усилился среди иберийцев, так как это племя соединяет с ним еще природное коварство и неискренность. Ибо от этого образа жизни они приобрели склонность нападать и грабить соседей; отваживаясь только на незначительные предприятия, они не предпринимали ничего значительного потому, что никогда не собирали больших сил и не объединялись в союзы»¹ (Страбон).

«Они жестоки с преступниками и врагами, хотя по отношению к чужеземцам проявляют участливость и добропорядочность» (Диодор Сицилийский).

«Испанцы испокон веков отличались дикими нравами по причине своей ничем не ограниченной свободы и отсутствия привычки подчиняться чьим бы то ни было приказам» (Аппиан).

«Не такова Испания — она более предрасположена к войне из-за суровости своей земли и склонностей людей» (Тит Ливий).

«Испания рождает самых стойких солдат; это она породила опытных капитанов; это она — родина плодовитых ораторов; она — земля чистоголосых певцов; она — мать судей и князей; она дала империи Траяна, Адриана и Феодосия» (Пакат).

---

¹ Перевод Г. А. Стратановского.

«Это королевство — столь благородное, столь обильное, столь могучее, столь благонравное — было разрознено и загублено раздорами между соотечественниками, теми, кто скрестил клинки, словно им врагов не хватало» (Альфонс X Мудрый).

«Чтоб вассалом быть хорошим, надобен сеньор хороший» («Песнь о моем Сиде»).

«Негоже, сеньор капитан Кортес, чтобы испанские женщины разлучались со своими мужьями, идущими на войну; где полягут мужья — там и мы погибнем, и увидят индейцы: испанцы столь доблестны, что и жены их воевать умеют» (Мария де Эстрада).

«Все, что произошло со времени чудесного открытия Америки, оказалось столь экстраординарным, что эта история может показаться невероятной всякому, кто лично не принимал в ней участия. Воистину она затмевает все деяния славных наших предков, какими бы геройскими они ни были, и заставляет умолкнуть все рассказы об иных чудесах света» (Бартоломе де лас Касас).

«Лишь испанцы рождаются уже с оружием в руке — готовые вступить в бой» (Франциск I, король Франции).

«Под ударами стихий или судьбы, в нищете обнаруживают они вопреки всему большую смелость, надменность и гордость, нежели в роскоши и благополучии»¹ (мадам д'Онуа).

«Испанец, решившись на выпад, выполняет его, невзирая ни на что, даже если этот выпад грозит ему гибелью» (Пьер де Брантом).

---

¹ Перевод А. С. Богдановского.

«Они являют собой образец, что не выглядит исключением, поскольку, будучи обыкновенно роста невысокого, они обладают таким огромным сердцем, такой силой духа, что благодаря единственно своему мужеству они стали хозяевами мира» (Хуан Пабло Мартир Рисо).

«Да увидит Ваше Превосходительство, что нет для меня ничего невозможного, ведь Господь дал мне десять пальцев на руках и сто пятьдесят испанцев» (Алонсо де Контрерас).

«Никогда прежде не приходилось нам сталкиваться с таким солдатом, как солдат испанский. Он не отступает, а стоит как скала, не теряет надежды и сдерживает натиск до тех самых пор, пока ему самому не представится возможность разгромить противника» (один шведский офицер после битвы при Нёрдлингене).

«Здесь живет и процветает тщеславие со своими неразлучными спутниками: уважением к себе и презрением к другим, желанием приказывать и никому не подчиняться, внешним блеском, бахвальством, многословием, выспренним и пустым, кичливым щегольством. И все это — сверху донизу: от аристократа и до самого последнего плебея» (Бальтасар Грасиан).

«Здесь мое несчастье, а не трусость, лишило меня заслуженных почестей, здесь фортуна вертела мной так и сяк, здесь затмились мои подвиги, и здесь же окончательно закатилась моя звезда, чтобы никогда больше не взойти на небосклоне» (Мигель де Сервантес).

«Испанцы имели явное преимущество по сравнению с другими народами: на их языке говорили в Париже, в Вене, в Милане, в Турине; их моды, их образ

мыслей и манеру письма подхватили лучшие итальянские умы; начиная с Карла V и до начала царствования Филиппа III Испания вызывала к себе почтение, неведомое другим народам» (Вольтер).

«Испания — единственное в мире место, где два плюс два не равно четырем» (герцог Веллингтон).

«Против меня — весь народ в двенадцать миллионов душ, разъяренных до чрезвычайности» (Иосиф I Наполеон Бонапарт).

«Все испанцы повели себя как один, преисполненный достоинством человек. Я в недостаточной степени обратил на это внимание» (Наполеон Бонапарт).

«Если бы враги Испании были иностранцами, так еще куда б ни шло. Но нет. Все, кто шпагой, пером или словом усугубляет и длит беды нации, все они — испанцы» (Амадей Савойский).

«Человечество в вечном долгу перед испанской монархией, поскольку именно множество научных экспедиций, оплаченных ею, сделало возможным расширение географических знаний» (Александр фон Гумбольдт).

«Тот, кто желает знать, до какой степени можно ослабить и разорить могущественное государство, должен изучить историю Испании» (Томас Маколей).

«В Испании вечно одно и то же: как реакционер — так настоящий, а если либерал, так того и гляди — пустышка» (Пио Бароха).

«Испанцы обречены вечно плестись за священниками — либо со свечой, либо с гарротой» (Агустин де Фокса).

«Как только в Испании возьмутся толковать о делах чести, то человека, к чести чувствительного, непременно проймает дрожь» (Мигель де Унамуно).

«Нет во всей всемирной истории деяния, сравнимого с тем, что осуществила Испания» (Рамиро де Маэсту).

«О, Испания жизни моей, / О, моей смерти Испания!» (Мигель Эрнандес).

«Испанцы ни разу не уступили ни пяди своей земли. Никогда не слышал, чтобы кто-то превзошел их в бесстрашии. Они бросают вызов смерти. Чрезвычайно храбры, стойко переносят лишения, но чудовищно недисциплинированы» (Адольф Гитлер).

«И даже опасность войны не стала универсальным клеем. Наоборот, она способствовала только тому, чтобы каждый потянул в свою сторону» (Мануэль Асанья).

«Если бы боевой клич „Вперед, Испания!“ (...) позаимствовали воины с другой стороны, то их шансы на победу бесконечно увеличились бы только вследствие этого простого поступка» (Грегорио Мараньон).

«Испанец, не побывавший в Америке, не знает, что такое Испания» (Федерико Гарсия Лорка).

«Моральный бунт масс наряду с ненавистью к лучшим и нехваткой последних, на мой взгляд, выступили главной причиной нашей национальной катастрофы»¹ (Хосе Ортега-и-Гассет).

«Зависть испанца — это не желание иметь такой же автомобиль, как у соседа, а желание, чтобы у соседа автомобиля не было» (Хулио Камба).

---

¹ Перевод А. Б. Матвеева.

«В те времена наша родина оказалась всего в двух шагах от реализации своей законотворческой мечты: чтобы каждый испанец носил у себя в кармане документ с одним-единственным пунктом, сформулированным кратко, ясно и сокрушительно: „Испанец, податель сего, уполномочен делать все, что ему заблагорассудится“» (Анхель Ганивет).

«Испания — страна феноменальная, с замечательной историей творчества, инноваций, непрерывности проекта... Самая понятная страна Европы — только вот люди упорно отказываются ее понимать» (Хулиан Мариас).

«Это непонятное место, где разноплеменные народы смешали воедино свои наречия, свою кровь, свои несбывшиеся мечты. Эти подмостки, на которых разыгрывается чудесное и трагическое действо, которые мы называем Испанией»¹ (Артуро Перес-Реверте).

---

¹ Перевод А. С. Богдановского.

Земля кроликов

Жила-была в стародавние времена прекрасная шкура быка, напоминающая очертаниями Испанию, и звалась она Исхафан, что означает, ну, или означало: «земля кроликов», — клянусь вам, слово обозначало именно это. И была она населена сотней племен, каждое из которых говорило на своем языке и жило на свой манер. Даже хуже: при каждом удобном случае они выпускали друг другу кишки, а в альянсы между собой вступали исключительно с целью расколошматить соседа, который выглядел послабее, но выделялся при этом завидными урожаями и стадами или же мог похвастаться красотой женщин, статью мужчин и роскошью хижин. Будь ты кантабром, астуrom, бастетаном, мастиеном, илергетом, или кто там еще под руку попадет, но если дела у тебя шли неплохо — этого было вполне достаточно, чтобы парочка твоих менее удачливых соседей-племен сбилась гуртом и прошлась по тебе с камнем, бронзой или железом в руке, в зависимости от той доисторической эпохи, что стояла на дворе. Зависть и злоба уже в те далекие времена являлись фирменным знаком данной территории, что нашло свое отражение в самых древних текстах, нас упоминающих. Исхафан, как я уже сказал. Другими словами, оно самое. В общем и целом вся эта банда двуногих животных, довольно резво плодящихся, как было установлено уже сильно позже, может быть разделена на две

большие этнические группы: иберы и кельты. Первые были низенькими, смугленькими и более удачливыми по части солнца, полезных ископаемых, сельского хозяйства, пляжей, заморского туризма со стороны финикийцев и греков, а также других представляющих интерес факторов экономики. Кельты же, напротив, были блондинами, отличались большей свирепостью и зачастую бедностью. Данную проблему они решали, совершая набеги на южные территории — в первую очередь, естественно, с целью наладить более тесные связи с иберами. Последние, не будучи такими буйными, как блондины с верхней части Полуострова, имели-таки свой южный пунктик и свои исконные пристрастия (вспомним, например, Даму из Эльче). Иберы, натурально, относились к визитам своих северных соседей с неудовольствием и зачастую отвечали им тем же. Так что в те промежутки времени, которые оставались у них свободными от реализации внутренних, промеж себя, планов по взаимному уничтожению, иберы и кельты переносили эти занятия вовне, то бишь друг на друга, безо всяких там комплексов и прочих сложностей. Метода эта в немалой степени облегчалась мечом самого что ни на есть местного происхождения по имени фальката. Это было настоящее чудо-оружие, выкованное из железа, — Диодор Сицилийский охарактеризовал его как великолепное, — которое в умелых руках резало, словно опасная бритва. А также, что, собственно, от него и требовалось, предоставляло иберам, кельтам и остальным участникам той честной компании все возможности для захватывающей групповой терапии и прекрасных коллективных экспериментов в хирургии — резни по живому и без наркоза. (Глядя в будущее, отметим, что чрезвычайно символично вот что: первая вещь местного производства, перевозносимая греками и римлянами, оказалась холодным оружием.)

А поскольку в те давние времена Полуостров наш был столь густо покрыт лесами, что белка пробегала по нему из конца в конец, прыгая с ветки на ветку, все эти шумные рейды, выпускания кишок при помощи фалькаты и другие социальные мероприятия могли осуществляться в тенике, что немало способствовало как их успеху, так и соответствующим желаниям. В общем, весьма мотивировало. В любом случае следует признать, что в искусстве протыкать шкуру — свою или же чужую — что иберы, что кельты, а позднее и те кельтиберы, что стали результатом романтических набегов либо с верха бычьей шкуры, либо с ее низа, были настоящими виртуозами. Для них, свирепых и отчаянных до дури, жизнь собственная или чужая в буквальном смысле стоила не больше того, что называется словом на три буквы. По свидетельствам летописцев той эпохи, наши прадеды умирали, убивая сами, когда их громили в бою, и распевая песни, когда их распинали. Кроме того, они осуществляли коллективный суицид, когда загибался вождь их племени или проигрывала их футбольная команда, а их женщины, вступая в разборки, не гнушались оружием. Так что, окажись ты их врагом и попади им в руки, они тебя... Короче, лучше было туда не попадать. А если уж эти ангелоподобные существа обоего пола заливали в себя по несколько литровок каэлии, то бишь пива той эпохи, то тут уж я вообще молчу. Только представьте себе выпивоны на свежем воздухе, что закатывали мои кузены. И кузины. Что же касается религиозных практик, то, естественно, в условиях отсутствия (пока еще) церковных пастырей, что пасли бы их души, запрещая совокупление, презервативы и аборт, отсутствия (пока еще) мобильного телефона, музыкального шоу «Операция „Триумф“»¹ и совместного исполнения «Спаси и сохрани» с пеной

---

¹ Телешоу и конкурс, аналог известного российскому зрителю музыкального шоу «Голос».

у рта, они поклонялись рекам, горам, лесам, луне и тому подобному. И вот такой предстает пред нами, плюс-минус век, панорама земли кроликов в те времена, когда, лет за восемьсот до того момента, как Святой Дух, прикинувшись голубем, посетил Деву Марию, некие моряки и купцы, похожие на пиратов до степени смешения и называемые финикийцами, переправились через Средиземное море и высадились на берег. И привезли с собой две вещи, что обретут в Испании далеко не одинаковые популярность и судьбу: деньги (успех больший) и алфавит (меньший). Не кто иной, как те же финикийцы, организовали на рынке недвижимости пузырь, скупив собственность на побережье и опередив тем самым британских пенсионеров и симпатичных русских мафиози, которые отплясывают теперь вместе с птичками¹ в Бенидорме. Но о финикийцах, греках и других подобных им народах мы поговорим в следующей главе. Или нет.

---

¹ Аллюзия на композицию «Птичкам — танцевать» Гонсало Ферреро из альбома «Песенки с фермы».

Рим нас грабит

Как мы уже упомянули, греки и финикийцы сунули свой нос на берега Гишпаниии, глянули на обитателей центральной части (если уж мы сегодня выглядим так, как выглядим, то только вообразите, какими были в те допотопные времена жители Вильяилергетте-дель-Аревако¹ — с этими нашими беретками, посохами, фалькатами и всем прочим) и сказали: «Ну уж нет, спасибочки, мы останемся здесь, на пляже, туристами, с шахтами и всякими разными коммерческими предприятиями, а вот то, что в середине, пусть колонизирует моя теща, если у нее яйца есть». И яйца или, по крайней мере, что-то похожее обнаружилось у чуваков, которые, что верно, то верно, приходились финикийцам родственниками — двоюродными братьями. «Айда сюда, получите все на халяву», — сказали им финикийцы, едва сдерживая смех, — родственнички звались карфагенянами, потому что жили буквально в двух шагах, в Карфагене, в нынешнем Тунисе то бишь, ну, или где-то поблизости. Ну и лады. И вот, значит, повалили карфагеняне, да целыми толпами, — города основывать: Ибицу, Картагену и Барселону (последняя была основана Гамилькарком Баркой, известным в качестве автора знаменитого изречения: «Рим нас грабит»). Поначалу, не без этого, случилось

---

¹ Город на северо-востоке полуострова, где до прихода римлян жил иберийский народ илергетов (от реки Ибер к северовостоку до Пиренеев и к юго-востоку до современной Лериды).

несколько стычек с кое-какими кельтиберскими вож-
дями, в частности с Истоласием, Индортом и Орисо-
ном, которые были должным образом разгромлены
и распяты; это между делом, потому как там каждый
либо действовал сам по себе, либо же вступал в союз
с карфагенянами ровно на то время, которое требо-
валось, чтобы расколошматить соседнее племя, а по-
том: «Если я тебя и видел, то уж и не вспомню» (сда-
ется мне, что эти слова принадлежат Полибию). Так
что пришельцы из Карфагена разрушили несколько
городов: Бельчите, который звался Геликой, и Сагунт,
который звался точно так же, как и сейчас, и процве-
тал так, что только держись. Закавыка была в том, что
Сагунт, бывшая греческая колония, находился в то
время в союзе с римлянами: этими индюками, кото-
рые как раз в те времена — в III веке до Рождества
Христового, возьмите себе на заметку — начинали на
Средиземноморье строить из себя боевых петухов. Ну
и — ясное дело. Завязалась славная заварушка — с вой-
ной и всем прочим, что полагается. Но этого было
мало, и, чтобы жизнь никому малиной не казалась,
случилось вот что: на сцену вышел сын Гамилькара,
который звался Ганнибалом и был крив на один глаз,
а что касается Рима, то его он видеть не мог и здоро-
вым глазом, то есть даже на фото. Судя по всему, его
с раннего детства заставляли смотреть по телику «Ка-
мо грядеши?»¹ каждую Святую неделю, ну или что-то
в этом роде, а кончилось дело тем, что несчастное
дитя поклялось в своей вечной ненависти к римля-
нам. Так что, сравнив с землей Сагунт, он собрал та-
кую армию, что на нее и смотреть-то страшно было —
с нумидийцами, слонами и жестокими катапультами,

---

¹ Исторический фильм режиссера М. Лероя (1951), который испанское телевидение традиционно показывает во время пас-
хальных каникул сразу по нескольким каналам.

которые пулялись дисками Маноло Эскобара¹. Кроме того, выкликнув лозунг: «Встань под знамена Ганнибала — и увидишь мир», он набрал тридцать тысяч кельтиберских наемников, перешел Альпы (это был первый выход за границу испанской рабочей силы высокой квалификации) и пошел гулять по Италии, раздавая тумачи налево и направо. Вишенкой на торте стало то, что благодаря кривизне Ганнибала наши балеарские пращники, всадники и разные другие драчуны, предшественники солдат терций во Фландрии и испанской сборной, приняли участие во всех тех взбучках, которые он задал римлянам прямо у них дома. А некоторое количество таковых набралось: битвы при Тицине, Трессии, на Трасименском озере и — финал кубка — Канны. Самая зрелищная потасовка, где перемололи около пятидесяти тысяч воинов противника — ну, римлянином больше, римлянином меньше. Штука-то была в том, что после этого — нет чтобы отправиться напрямик по Аппиевой дороге до Рима и добить эту историю — Ганнибал со всем своим воинством, в составе которого были и испанцы, остался на месте — предаваться пороку, неге и сладострастию, поддаваться своевольным римлянкам, беспутным привычкам и другим в строку приходящимся грехам. И вот значит, пока гоняли они лодыря в Италии, один вражеский генерал, по имени Сципион, высадился исподтишка на берег Испании, в аккурат во время сиесты, и ударил им в тыл. После чего взял Картахену, в высшей степени осложнив жизнь кривому; и до того Сципион ему жизнь осложнил, что Ганнибал, вернувшись на север Африки, оказался разбит в сражении при Заме, после которого и покончил с собой, чтобы не попасть во вражьи руки — из чувства стыда

---

¹ Испанский поп-певец и актер, автор около 80 дисков, 35 из которых — золотые.

истинного тореро. И тем самым избавился от необходимости предстать в выпуске теленовостей вместе с карпетанами, кантабрами и мастиенами, которые раньше, когда он сражения выигрывал, аплодировали ему как сумасшедшие, а теперь толпились в суде — то и другое в высшей степени типичное для кельтиберов поведение, — наперебой обзывая его трусом и ворюгой. Суть же в том, что Карфаген был в хлам разрушен, и Рим принялся натягивать на себя всю Испанию. Не имея, естественно, ни малейшего понятия, во что влезает. Потому как если Галлию Юлий Цезарь, со всем своим неопровержимым позерством в духе Астерикса и Обеликса, завоевал за девять лет, то на Испанию римляне угрохали двести. Прикиньте сами — смех, да и только. А стараний-то сколько! Но это в порядке вещей. Здесь никогда не было отчизны, только отцы-предводители (об этом пишет Плутарх в биографии Сертория). По одному в каждом городке: Индибилис, Мандоний, Вириат. Короче, понятно: такую компанию приходилось отправлять на тот свет по очереди, одного за другим. А на это даже столь организованному народу, как римляне, как-никак время требуется.

Говорим по-латински

Итак, речь у нас зашла о Риме. О том, что Сципион, покоритель Карфагена, покончив с этим делом, заявляет своим коллегам-генералам: «Оставляю этот пирог вам» — и возвращается на свою родину-мать. А меж тем, Гишпания, которая пока еще не может считаться Испанией, хотя все к тому потихоньку и идет, превращается, говоря словами уж не помню какого именно историка, в гробницу римлян: целых двести лет на то, чтоб утихомирить этот пейзаж, поскольку племен, занимавшихся междоусобицей, имелось здесь в избытке. Римская система предполагала системный же подход к уязвлению плоти: легионы, побоище, распятие, рабы. Обычное дело. В жизнь его проводили несколько персонажей, называемых преторами, Гальба со товарищи, — циничные и жестокие в стиле кинозлодеев, наподобие шерифа Ноттингема, большие доки по заключению с местными племенами пактов, даже и намеков на исполнение которых не предвиделось. Метода эта действовала медленно, но верно, со своими взлетами и падениями, носящими имена Индибилис, Мандоний и иже с ними. Главным провалом оказался Вириат, задавший такого жару, что Рим был вынужден подкупить его же приближенных, чтобы те его прикончили. Войска его, действуя с переменным успехом, держали «нумансию», то бишь оборону, в некоем городе, называемом Нуманцией.

Город этот сопротивлялся еще десять лет, вплоть до того самого момента, пока в конце концов внук Сципиона его не взял, что сопровождалось страшной кровью, массовым самоубийством защитников города (как утверждают Флор и Орозий, хоть это и кажется некоторым преувеличением) и тому подобными безобразиями. Вириату уподобился еще один деятель, римлянин по имени Серторий, красавец и умница, у которого возникли кое-какие проблемы на родине, и он прикатил сюда, сделался предводителем (в хорошем смысле этого слова) и принялся так досаждать своим бывшим соотечественникам, что они наконец прибегли к своему обычному методу — лояльность не относилась к числу наиболее укорененных местных добродетелей — и подстроили так, чтобы некий бывший наместник его ухайдакал. И вот так, перемежая мятежи убийствами, сменявшимися новыми мятежами, потихоньку-полегоньку продвигалась романизация. Время от времени случались очередные «нумансии», на которые обрушивался каменный дождь, дабы загасить мятежные очаги. Одной из последних стала Калаорра, явившая пример героического сопротивления жителей, — отсюда и пошла старинная поговорка: «Калаорра! А та, что под Рим легла, — сука у забора». Ну и так далее. Хорошей стороной всего этого было ровно то, что рано или поздно, но гражданским войнам кельтиберов промеж собой пришел конец, потому как римляне имели славную привычку обманывать, распинать и поработать всех противоборствующих без разбора. Однако ж стоило только представиться удобному случаю (например, с той гражданской войной, что притащили с собой Юлий Цезарь и сторонники Помпея), как испанцы немедленно приняли в ней участие. Причем как с той, так и с другой стороны: нельзя же не воспользоваться любым предлогом, чтобы спалить соседу уро-

жай или зажать в углу его законную супругу, если ты спать не можешь из-за того, что у него четверка лошадей получше твоей, имеется абонемент в амфитеатр Мериды или еще какие другие привилегии. В общем, мира как такового не было до тех самых пор, пока Октавиан Август, первый император, не пожаловал лично и не сломил хребет последним непотопляемым кантабрам, баскам и астурам, которые упорствовали в своих требованиях особого статуса, примешивая сюда меховые тулупы и козий сыр, — к Октавию они собирались отправиться с притязаниями на автономию. Факт в том, что именно с тех самых пор римляне стали называть Гишпанию Гишпанией (имя, уже бывшее некоторое время в ходу), разделив ее на пять провинций. Земля эта давала им золото, серебро и знаменитую средиземноморскую триаду: пшеницу, вино и оливковое масло. Появились общественные работы, процветание и совместные предприятия, заполнившие собой тот вакуум, которым — смотри у Плутарха, смышленного парня, — наполнилось до тех пор слово «родина». Люди стали связывать с ним смысл «быть римлянином»: слова *hispanus sum* (я — испанец) обрели смысл через более общее: *civis romanus sum* (я — римский гражданин). Города, соединенные столь хорошо построенными дорогами, что они существуют по сей день, превратились в центры экономического роста и культуры. Молодые люди, страдаемые жаждой путешествовать или желанием наесться досыта, начали записываться в солдаты Рима, а выходящие в отставку легионеры получали земли и женились на испанках, рожавших испано-римлянчиков с иной ментальностью: это уже были люди, которые умели склонять *rosa, rosae*¹ и выучивались на архитекторов, строивших акведуки и всякое такое.

---

¹ Начало парадигмы склонения латинского слова «роза»: *роза, розы*.

Приблизительно в те же времена прибыли к нам и первые христиане; тогда они занимались пока что исключительно своими делами, то есть посещали мессы, а не разжигали социальные страсти по поводу абортон или греховных танцев, не рифмовали конфирмацию с овуляцией и не совершали всего того, за что взялись позже. А о том, что все это шло только на пользу, свидетельствует целая плеяда людей, родившихся на этой земле в те времена: Траян, Адриан, Феодосий, Сенека, Квинтилиан, Колумелла, Лукан, Марциал... Три императора, философ, ритор, всемирно признанный эксперт в сельском хозяйстве, эпический поэт и поэт-сатирик. Среди многих других. Ну а что касается языка, тут уж судите сами. Что латынь двадцать два века спустя — язык мертвый, не совсем точно. Те из нас, кто говорит по-испански, по-галисийски или по-каталански, сами о том не подозревая, продолжают говорить на латыни.